

Восьмое марта

Все присутствовавшие в помещении ученики иконописной артели— Тамара, бывшая председатель профкома развалившегося стеколзавода, Наталья, бывшая главная художница этого завода, сумасшедший художник Саша, просто сумасшедшая Ольга, неудавшаяся художница Надя, не очень удачливая в личной жизни Злата, юные подружки из Питера Аня и Оля, Сергей из Смоленска, отставной офицер Георгий, выпускница Строгановки Татьяна, недавно овдовевшая учительница рисования Лариса, тоже недавно овдовевшая двадцатилетняя матушка Наташа, Света, у которой муж повесился, Галина после четвёртой онкологической операции, руководитель артели Андрей, плотник Дима и Таня Смирнова, которая всегда присутствовала и всегда просто молча рисовала,— конечно же, знали и помнили, какой сегодня день, но не подавали виду, что он для них что-то значит. Собравшись, как обычно, в это утро вместе, они стали обсуждать обычные повседневные вопросы.

— У меня так кадмий быстро уходит! Не успела банку открыть— уже на донышке осталось.

— А я вот на киноварь перейти решила.

— Киноварь я тоже использую, но на мучеников всё равно много кадмия уходит.

— Кадмия всегда у Ольги много.

— Ну да, она одни крещатики да подкладницы делает, так у неё кадмий и не тратится совсем.

Ольга слегка дёрнулась и покраснела. Она уже больше двух лет была в артели, и ей было стыдно, что поручали ей только самые простые задания. Тамара, вернувшая едкое словцо про якобы изобиловавший у неё кадмий, ненавидела её и подговаривала— по крайней мере, по мнению Ольги— врачей из диспансера, чтобы они её отравили. Георгий же, открыто озвучивший во всеуслышание Ольгин позор, ничего против неё не имел: он просто всегда говорил то, что приходило ему в голову, или то, что приходило в голову другим, когда другие не решались это озвучить. Чтобы продемонстрировать несостоятельность Тамариных обвинений в кадмиевой жадности, Ольга сделала понятный всем— по крайней мере, по её мнению— жест, который должен был каждому дать понять, что кадмия у неё не больше, чем у других,

и что ей не жаль отдать его весь. Она расстегнула свою красную лавсановую кофту, распахнула её, обнажив розовую маечку в красных сердечках на худосочных грудях, подняла голову высоко вверх и зажмурила глаза.

— О-о-о! Утро начинается довольно занятно!— глядя на Ольгу, как всегда громко воскликнул Георгий.— Сразу видно: весна.

Тамара перекрестилась, закатила глаза и что-то прошептала, потом поправила косынку и деловито взяла лупу, чтобы продолжить работу с видом очень занятого человека, которого отвлекают от работы.

Следующие полчаса прошли практически безмолвно и бесшумно. Только Надя, всегда что-то говорившая, не очень громко комментировала движения своей кисти. Потом Света пошла ставить электрический чайник.

— Решила кофе попить. А то с утра давление такое высокое, что в сон клонит,— сообщила она окружающему пространству.

Из окружающего пространства донёсся тонкий голосок Ани питерской:

— А я, пожалуй, чайку попою.

Наташа достала из самодельной матерчатой сумки завёрнутое в бумагу печенье:

— Вот, угощайтесь! Это постное.

— Спаси Господи!— тоненьким голоском пропела Аня.

Постепенно к чаепитию стали присоединяться и другие. У Натальи к чаю были грецкие орехи, у Сергея курага, а Надя достала буханку хлеба и открыла трёхлитровую банку солёных огурцов.— Кушайте на здоровье! Это самодельные, деревенские! Это Люба, моя двоюродная сестра, солила,— громко возвестила Надя.

— Спаси Господи!— снова пропела Аня и достала своей тоненькой ручкой из банки маленький огурчик; потом положила его на тоненький кусочек ржаного хлебушка и стала похрустывать этим угощением, умилённо улыбаясь.

— Мне Люба ещё сала передала, но сейчас ведь пост!— громко изрекла Надя.

— Ох, да, пост ещё долго!..— грустно заметила Наталья.

Чаепитие продолжалось ещё некоторое время, когда Георгий вдруг достал откуда-то из-под стола

большой торт с кремовыми розочками. От удивления все замолчали, и в нависшей в комнате тишине на столе появились, одна за другой, три бутылки: сначала кагор, потом коньяк и водка. Потом Георгий выложил на стол батон варёной колбасы.

— Чего, девчонки, кислые такие сидите? Восьмое марта же!

По комнате пронёсся вихрь крестных знамений. Только Тамара и выпускница Строгановки Татьяна продолжали работать с невозмутимым видом, а Лариса сняла очки и с любопытством посмотрела в сторону Георгия.

— Так это же вроде бы не православный праздник-то! Мы же не отмечаем его! — громко подметила Надя.

— День блудниц, как говорит отец Николай, — вставила Татьяна.

— Ну так и что? Блудницы что — не люди, что ли? Вон и Христос за них заступался!

По комнате пронёсся ещё один вихрь крестных знамений, а исхудавшая и ссутуленная Галина, чья талантливая правая рука от частых и быстрых крестных знамений уже устала, покраснев, выбежала из комнаты и больше в неё не вернулась.

— Анют, хорош уже креститься-то! Давай лучше стаканы расставляй!

Аня стала креститься ещё ревностнее и, густо покраснев, повернулась к Георгию спиной.

— Ну давай я расставляю! — послышался голос Златы, которая неспешно поднялась и, сопровождаемая осуждающими взглядами, плавно пересекла комнату и взяла несколько стоявших в чайном углу кружек. — Если человек угощает, грешно ему отказывать.

— А ведь и правда, отказываться от угощения в пост — это вроде бы гордыня! — припомнила Надя и, уже предвкусывая тортик с розочками, пошла расставлять тарелки.

— А я вот помню, в советские годы мы всегда Восьмое марта отмечали! В школе у нас всегда праздники проводились. Это потом уже запретили его отмечать! — снова вспомнила Надя.

— А мне муж всегда мимозы на Восьмое марта дарил, — задумчиво произнесла Света.

— Ну, я, конечно, не муж, но и мимозы имею! — продолжил череду чудес Георгий и, достав из-под стола большой клетчатый баул, расстегнул его и наполнил комнату всем известным едким благоуханием жёлтых цветов. — Дим, помоги раздать!

Это был очень сильный приём, потому что плотника Диму любили все женщины и никто не осмелился бы ему отказать. Кроме Тамары, которая продолжала с невозмутимым видом разделки на двухметровый иконе и никого и ничего вокруг не замечала. Тогда с места поднялся сам Андрей, подошёл к ней и, протянув ей веточку мимозы, сказал:

— Тамара, возьмите, пожалуйста! От всей души ведь человек дарит!

Тамара была польщена вниманием самой главной особы и, беззвучно взяв цветок, едва скрыла удовольствие под своими большими очками. Она приняла выражение лица, которое должно было дать понять окружающим, что она хоть и принимает цветы, но только потому, что сам Андрей её об этом попросил.

— А теперь, Дим, разливай! Кому красненькое, кому беленькую, коньячок? — привычным тоном отставного офицера произнёс Георгий.

— Ой, ну разве что кагорчика капельку! Пост ведь... — поглядывая на тортик, неуверенно проговорила Надя.

— Мне тоже тогда кагору, — протянула кружку Света.

— А я водки выпью, — тихо объявила Злата.

Дима и Андрей молча подали свои кружки, и Георгий налил в них немного коньяку.

— А мне нельзя алкоголь! — вскрикнула из своего угла Ольга, давая тем самым понять, что её зажмуренные глаза и покачивания головы не относятся к тортику.

— Ну это и без того всем понятно, — не удержалась Тамара.

Ольга подняла указательный палец и направила его в сторону Тамары, потом торжественно добавила, указывая на Сашу:

— Ему тоже нельзя!

— Известное дело — пост ведь! — тихо пробормотал Саша, дорисовывая крошечного Будду в уголке подокладницы и поглаживая хиленькую юношескую бородку.

— Ой, ну торт-то когда будем резать?! — вырвалось у Нади. — Неудобно же отказывать человеку — потратился ведь, угощает, от всей души! — всей душой заступилась она за разноцветные кремовые розочки.

— Может, за благословением сходить? — робко предложила Наташа.

— Никто не даст тебе благословения на празднование Восьмого марта, — отрезала Тамара.

Понемногу количество выпивающих и угощающихся тортом увеличивалось. Многие истово крестились, прежде чем положить в рот крохотный кусочек торта. Некоторые быстро захмелели, разговорились.

— Пошли мы как-то с дочерью на карьер купаться, — принялась рассказывать Надя. — Потом сфотографироваться решили. Долго-долго ходили, ракурс выбирали, фон высматривали. Наконец увидели большую баржу — проржавевшую такую, чёрную. Мужика одного попросили снять нас. Потом приходим фотографии забирать из печати, смотрим, а там над нашими головами мелом большими буквами написано: «ДУРЫ». Ой, дайте-ка я ещё кусочек тортика возьму — всё равно завтра каяться!

— А чего это, девчонки, такие тихие сидим? — прогремел Георгий и достал откуда-то магнитофон. — Танцуют все!

В этот момент Лариса молча сняла очки и стала складывать краски — обстановка полностью перестала быть рабочей.

— Ой, ну что же вы творите! Грех ведь! — взмолилась Татьяна, которая, однако, уходит не собиралась, а продолжала делать разделки одеяния.

Заиграла какая-то попса по радио. Георгий встал и пригласил Свету, которая сначала отказалась, потом, со второго раза, охотно согласилась.

Далее вскочила Ольга, схватила за руку Сашу и выволокла его в более-менее свободное кухонное пространство, после чего начала выполнять танцевальные движения, зажмуривая глаза, запрокидывая голову и прикладывая Сашины руки к своей груди.

Тамара перекрестилась и поправила косынку.

Сергей смоленский робко перебирал ногами, едва касаясь плеч Оли питерской.

Анечка в очередной раз перекрестилась и положила в рот ещё один крошечный кусочек торта. — А у нас ещё тут беленькая осталась! — радостно выкрикнул Георгий.

Дима и Андрей молча протянули ему кружки, потом выпили, и Андрей встал. Моложавый, стройный и изящный, он вышел на середину комнаты, сдвинул в стороны несколько столов и начал танцевать в стиле Майкла Джексона, отчего начали креститься даже самые толерантные члены артели.

— Ой, а я догадалась, почему я такая дура! — воскликнула Надя, чтобы разрядить обстановку. — Это потому, что у меня небесная покровительница — отроковица!

Миг спустя девушка с не очень удачной личной жизнью Злата налила себе чашку водки, залпом её выпила и присоединилась к Андрею. Танцуя, она извивалась всем телом, проводя руками по своим бёдрам, груди, шее, иногда наподобие трезвой Ольги зажмуривая глаза и запрокидывая голову.

— Оно так и есть: День блудниц! — холодно проговорила Тамара.

— Господи, но здесь же иконы! — взмолилась Татьяна.

Тем временем к Злате уже присоединилась немолодая, но ещё достаточно привлекательная Света. Неумело виляя бёдрами, она пыталась Злату оттеснить и прижаться к Андрею. Злата тем временем временно занялась простодушным Димой.

А Георгий, который, оказывается, успел отлучиться, шумно вошёл с тремя новыми бутылками беленькой и ещё одним кагорчиком.

— Сделайте музыку-то погромче, ё-моё!

— После того, как Злата села Андрею на шею и они вышли танцевать во двор, я уже не выдержала

и ушла! — негодовала Татьяна, рассказывая впоследствии эту историю.

Кофе

Это был год, когда вдруг неожиданно повсюду исчез сахар. Сначала он просто исчез, и думали, что это временное явление, — в те годы у нас часто что-то исчезало из магазинов, а через какое-то время иногда эти наименования опять выбрасывали. Но потом отсутствие сахара затянулось, и вернулся он к людям уже по талонам. Говорили, что во всём виноваты самогонщики — они весь сахар скупили! Ну да неважно — рассказ будет совсем не о них.

Вот как-то раз в тот год играли мы с друзьями во дворе около подъезда и вдруг видим — заезжает на нашу замызганную захолустную улочку невиданной красоты огромный автобус. Его стёкла не прозрачные, а тёмные и даже немного зеркальные. Сам он чистый и ненашенский! А впереди на нём написано: «ДАГ». Автобус медленно и бесшумно подъехал поближе и — остановился прямо напротив нашего подъезда!

Конечно, мы в одночасье перестали играть, бабульки перестали судачить, а дедки — стучать костяшками домино по столу. Все взгляды были прикованы к чудесному автобусу.

Его дверь бесшумно и красиво открылась — и из неё вышел... наш папа!

Мы с сестрой обомлели. Как он оказался в этом автобусе?

Папа стоял, улыбаясь, — покрасневший и взволнованный. А тем временем из другой двери вышел не менее сконфуженный водитель. Папа взял его за запястья и повёл, улыбаясь, в соседний подъезд. — Па-а-а-а-а! — растерянно протянула сестра. — Ты куда?

Но он её не услышал.

Через пару минут отец вышел из чужого подъезда и зашёл в наш, всё так же таща за собой растерянного водителя. А глаза соседей тем временем переключились на нас. Но мы ровным счётом ничего не могли им ответить. Опомнившись, мы ринулись домой, чтобы узнать, что всё это значит.

Когда папа поднялся к нам на второй этаж, его тут же позвала наша соседка тётя Рая к телефону. Он только успел сказать матери:

— Ларис, это Том, он финн.

Мама удивилась, но не растерялась. Она решила, что в лице Тома к ней в дом пришла мировая слава, и тут же начала доставать из кладовки картины: свои, отцовы — без разбору, — и показывать иностранному гостю.

— Штиллебен! — громко говорила она и внимательно следила за его реакцией. — Зельпстбильднис мит регенширм!

Но поклонник только конфузливо улыбался и издавал нечленораздельные звуки.

Наконец Том догадался, что от него требуется, и поднял большой палец правой руки.

«Ну слава Богу!» — подумала моя мама.

Тем временем вернулся отец и разъяснил ситуацию:

— Он финн. Ему сахар нужен. Он пытался купить, но ему нигде не дают — талонов-то у него нет! И по-русски он не понимает. Ходил вот так по городу и банку кофе всем показывал...

Мама отправилась на кухню и достала полный пакет кускового сахара. Такие большие кубики — твёрдые-претвёрдые! Да ещё и колотые. То есть даже и не кубики, потому как четыре их стороны были правильной формы, но две другие были следами топорного скола.

Финн очень растрогался. Даже не знал, как нас благодарить. Сначала достал из кармана какую-то бумажку. Родители сначала не поняли, что это, но потом они догадались, что это, наверное, их, финская, денежная купюра, и в ужасе отшатнулись: они не валютчики! Срок мотать им совсем не хотелось.

— Найн! Найн! Гешенк! — испуганно закричала мама.

Тогда финн Том поспешно всучил ей удивительной красоты золотистую банку и ринулся вниз с мешком кускового сахара в обнимку. Отец пошёл за ним. Вокруг автобуса столпились люди — они фотографировали друг друга на его фоне.

Тем временем мама рассмотрела баночку и сделала вывод, что внутри — кофе.

Баночка была тёмненькая, но было видно, что внутри что-то вроде шариков.

— Он в зёрнах, — пояснил вернувшийся отец. — Надо ехать к Коле — у него есть кофемолка.

Коля, мой дядя, жил на противоположной окраине нашего не очень большого, но сильно вытянутого вдоль Волги города. Кто из Твери, тот поймёт, что значило в восьмидесятые добраться с Силикатки в Мигалово. Это было долго: сначала ждать трамвая, потом долго ехать на нём до центра, потом опять ждать трамвая, потом опять долго ехать.

Такие поездки для нас были событием, и осуществляли мы их не особенно часто. Но тут вот ведь какой удобный случай представился! Мы можем угостить наших родственников настоящим кофе из заграницы! Только сначала его перемолоть надо.

Коля нас не ждал, но был нам рад. Мы, как всегда, явились без предупреждения, потому как ни у нас, ни у него в то время телефонов не было. Но ведь не с пустыми же руками мы пришли!

Сразу достали кофемолку, засыпали в неё содержимое банки, включили... Но вместо обычных визжаний, скрежета, стонов и воплей кофемолка издавала только тихое равномерное жужжание.

В чём дело? Коля (он хорошо учился по английскому в политехе) прочитал на банке:

— Гранулес, ё-моё! Он уже перемолотый, но только в гранулах!

— А-а-а!.. Ну ничего себе финны придумали!

Пошли кофе заваривать.

— Нас четверо. Не считая детей. Детям чисто символически, — рассуждал отец.

— Да сыпь ты всю банку, ё-моё! — воскликнул мой импульсивный дядя. — Чего тут пить-то? Баночка-то маленькая!

Высыпали содержимое банки в чайник, залили кипятком. Подождали чуток. Пошли накрывать на стол.

— Я кормящая, мне чуть-чуть! — сказала Галя, Колина жена.

— А мне-е-е-е?! — завопил я. — Мне же тоже хочется попробовать!

— Десять лет — уже можно чуть-чуть дать, — рассудили родители.

Сестре налили компоту.

Кофе всем понравился. Взрослые его долго пили и оживлённо разговаривали, то и дело обнимая желтоватый стан гитары.

— Я, главное, хватаю его за руку и тащу на остановку — там как раз «девятка» подъезжала. А он упирается, не идёт, мычит. Смотрю — а он мне на автобус свой показывает. Дескать, в автобусе в этом поезде!

— А мы с подругой на третьем курсе однажды австрийцев встретили. Мы в Москве тогда были. Гуляем такие по набережной, вдруг подходят две тётеньки средних лет. Они у нас спрашивают что-то по-английски. Вроде бы, типа того, не знают, как к гостинице пройти. Ну, Светка им показала, в какую сторону идти.

— А у нас на курсе двое парней из Сенегала учились. Такие все чёрные-пречёрные, ё-моё, а ладони светлые.

— У них, говорят, и ступни тоже светлые.

— Ну, ступни у них я как-то не разглядывал.

— Приятный такой кофе. От него аж даже дышится так легко!

Это был приятный, радостный летний вечер. Но он подошёл к концу. Довольные и полные впечатлений, мы снова сели в трамвай и двинулись домой. Придя домой, мы с сестрой сразу же разделись и заснули — мы очень устали за этот долгий-предолгий день.

Ночью я внезапно проснулся и увидел, что в комнате горит ночник, а на краю дивана сидит отец. Его руки скрещены на груди, и сидит он в полусогнутом состоянии.

— Саша, я умираю, — говорит ему из постели тихим и даже спокойным голосом моя мама.

Но отец не обращает на эти слова никакого внимания. Лишь через несколько минут он выдыхает из себя едва слышным хрипом:

— Ко-фе... Где... бан-ка?..

Красивую баночку мама взяла с собой. Потом ещё лет пятнадцать эта баночка хранила в себе то чай, то соль, то пряности, украшая собой кухонный шкафчик.

Я быстро сбежал за ней.

— Прочти!—выдохнул отец.

Я закончил четвёртый класс с пятёркой по английскому, но на этой банке была лишь одна фраза, которую я способен был понять: «55 cups».

Отец повернул голову по направлению к матери. Потом, схватившись за дверную ручку, с усилием встал и побрёл в ванную. Через какое-то время мать попросила меня помочь ей встать и последовала за отцом.

Когда на улице забрезжил рассвет, я увидел в окне две фигуры, крепко сцепившиеся друг в друга. Это были мои родители. Они устало и осторожно бродили по дорожкам нашего двора. Так они бродили всю ночь, пока не стало совсем светло и люди не начали выходить из подъездов, торопясь на работу.

«Какая чудесная пара!»—умилилась про себя тётя Рая, выглянув рано утром в окно.

На даче

1.

Автобуса ждали долго, занимали очередь заранее, чтобы достались сидячие места. Ехали тоже долго. Автобус был набит битком людьми с ведрами, корзинами, лопатами, сумками-тележками. По пути было несколько остановок: Исаевский ручей, Змеёво, Пуково (очень смешное название!)... Но на них почти никто не выходил: почти все вышли вместе с нами. И сразу все направились друг за дружкой по широкой грязевой дороге.

— Мы там не пойдём,—сказала моя бабушка.— Пойдём через лес. Так короче.

Сначала мы шли по деревянным шпалам однопутной железной дороги, по которой никогда не ходили поезда.

— А нас поезд не задавит?

— Её ещё не запустили.

Значит, наверное, не задавит.

— На вот веточку, слепней отгоняй, а то укусят.

А как они выглядят-то хоть, слепни эти? А то я и не знаю, кого отгонять-то...

— Здесь поворачиваемся. Через лес пойдём. Запомни, Кириуша, на всю жизнь: лес любит внимательных. В лесу надо быть внимательным и серьёзным. Помнишь, мы проезжали деревню Змеёво? Так вот она недаром так называется—здесь гадюки водятся. Поэтому в лесу надо всегда находиться в резиновых сапогах! И под ноги смотреть. А если увидишь гадюку под ногами, остановись и подожди, когда она уплзёт и скроется из виду.

Я испугался и начал смотреть под ноги.

— Глянь, какие сыроежки красивые!

И бабушка показала мне несколько грибов с розовыми шляпками. До этого я видел грибы только на картинках. Бабушка аккуратно отщипнула их, оставив краешек ножки в земле.

— Это чтобы грибницу не повредить. А то грибы выведутся в нашем лесу.

Мы шли по узенькой, еле видной тропинке. Лес шумел и кипел пеньем сотен птиц и хрустом валежника под ногами. Иногда слышалось, как ветер раскачивает кроны деревьев над головой.

Я то и дело оглядывался по сторонам: ведь в книжках детских всегда пишут о том, что в лесу полным-полно всяких зверей—зайцев, белок, ежей, лис, медведей, волков...

— Бабушка, а на нас волки не нападут?

— У нас тут нет волков. Только змеи.

Вскоре лес закончился: впереди засветлел дачный посёлок.

— Наша улица—Яблонева. Пятый участок от начала. А вот эти межи—границы участков.

Я с любопытством смотрел по сторонам. Дачный посёлок, который мне раньше представлялся деревенькой из детских книжек, был довольно неказистым: некрашенные бревенчатые хатки стояли среди травяных полей с кое-где торчавшими пнями, перемежавшихся с небольшими грядами. — Вот мы и пришли. Сейчас откроем хату и затопим печку, чаю попьём. Сходи пока вон на ту грядку, ягоды поищи!

Ягод никаких не было—только овальные, с зазубринками, листья какой-то травы и беленькие цветочки.

— Бабушка, тут нету ягод!

— Это ты смотришь неправильно! Нужно листочки вот так вот отгибать и смотреть. Вот же они, ягоды!

И правда, ягоды там были. Клубника. Только не красная, как бабушка с дачи привозила, а почему-то белая. И несладкая совсем.

— А зелёную не рви ягоду! Если только красную найдёшь!

— А тут нет ни красных, ни зелёных. Только белые.

— Ну так белые—они и есть зелёные. А вот эта вот уже розовая—её можно есть.

Ну да, эта сладковатая.

— А где же ключи-то мои? В сумке нет... Может, где в кармане?..

Бабушка стала вынимать из сумки разные вещи—помаду, очки запасные на резинке, кошелёк, много-много билетиков автобусных, мятный леденец («На, съешь!»), таблетки, бумажки с какими-то цифрами, листочки из отрывного календаря...

— Эх, вот ведь бабушка старенькая совсем стала, склероз у бабушки совсем! Ключи-то я дома забыла. Придётся через подполье пролезать.

— Это как это?

— А вот помогай мне сейчас дрова отсюда вынуть. Потом мы под домом подползём и подполье откроем.

Сруб хаты стоял на четырёх вертикальных брёвнях-сваях, так что хата возвышалась над землёй примерно сантиметров на семьдесят. Пространство между сваями было плотно заложено дровами.

Я стал помогать бабушке вынимать дрова. Я брал по несколько деревяшек и относил в сторонку. Потом мы, наконец, расчистили достаточно места для нас двоих, легли на землю и поползли на брюхе.

Ползать на брюхе я умел — мы часто в войнушку во дворе играли, подползали к воображаемому немецкому блиндажу и бросали туда каменную гранату. Маме обычно не нравилась эта игра — после неё надо было сразу стирать одежду. А тут вот оказалось, что умение это очень даже полезное.

Но бабушка ползла быстрее меня, и я стал приподниматься и вставать на коленки, чтобы её догнать. Вдруг я случайно коснулся её груди. Я знал, что у женщин грудь мягкая, но у бабушки она была почему-то не очень мягкой. Я спросил её об этом.

— Осторожно, смотри головой не ударься!

И тут же я ударился головой — слишком высоко поднялся.

Я на минуту задумался, не заплакать ли мне от боли, но тут бабушка сама приподнялась и, упёршись завитой головой и руками в какую-то квадратную деревяшку, приподняла её над собой. — Ну, вот мы и пришли. Поднимайся. Сейчас печку топить будем.

Бабушка помогла мне выбраться из подземелья. Когда я оказался наверху, то заметил, что правая грудь у бабушки почему-то оказалась ниже левой. Она отошла в угол, закрыла занавеску за собой, а когда вышла, обе груди её были уже на своих местах.

— Пойди принеси сюда дров посуше. Сейчас печку топить будем.

— Ой, а можно я сам её разожгу?

— Нет, детям нельзя по технике безопасности. Только посмотреть вот отсюда можно.

Бабушка открыла дверцу чёрной железной печи, засунула туда скомканную газету, зажгла спичку и поднесла её к газете. Бумажный ком быстро разгорелся жёлто-оранжевым огнём.

— Ну вот, а теперь дровишки подавай!

Я протянул бабушке деревяшку, принесённую с улицы.

— Не, эта сырая, не пойдёт. Принеси посуше.

Я принёс ещё. Покрасивее выбрал. Но огонь в печке уже погас, и бабушка пошла искать ещё газету.

— Эта тоже сырая. Дай я сама найду посуше. Вот, смотри. Видишь? Эта вот трухлявая и сухая, она быстро разгорится.

Наконец печку загопили, и мы вышли на улицу смотреть на дымок, идущий из её трубы.

Потом мы с бабушкой сходили к колодцу — глупо, с гулким эхом внутри. Набрали воды два ведра и ещё маленькое пластмассовое ведро для меня. Из одного ведра налили воды в большой чайник и поставили чайник на печку. Чайник долго не закипал. Когда он закипел, бабушка вышла на улицу, нарвала какой-то травы, закинула её в заварочный чайник и залила кипятком. Потом достала из сумки-тележки батон и кусок масла, пачку печенья и пакет с пряниками. Открыла банку варенья, расставила чашки, и мы сели пить чай. — Бабушка! Хорошо-то как! — закричал я и захопал в ладоши.

— Когда я ем, я глух и нем, — ответила бабушка, намазала масло на кусок батона и протянула мне. — Бабушка, а сколько тебе лет?

— Сорок пять.

И, подумав, тихонько добавила, глядя в окно: — Ягодка опять...

2.

В семидесятые и восьмидесятые годы в нашей стране стал развиваться новый земледельческий культ — культ виктории.

— Я уже семь вёдер виктории у себя собрала, — рассказывает бабушка.

— Ой, как я рада за вас, Марья Николаевна! — говорит изнывающая от чёрной зависти соседка.

Она бы и рада соврать про свои вёдра, но забор у нас ещё нет, всё на виду.

— Она подпорки не ставит. Вот у неё и гниют ягоды, — рассказывает позже за ужином бабушка. — Недаром пословица есть: как потопаешь, так и полопаешь.

Вкус и аромат ягод я почти не помню, а вот прополку грядок мне не забыть никогда.

— Мокрицу можно на меже оставлять, а осот и пырей надо в ведро складывать. У них корневища, я их потом сжигать буду.

На море летом мы не ездили — надо было за клубникой ухаживать. А когда мы уезжали в Кишинёв, к другой моей бабушке, которая не жала и не сеяла, бабушка Маша делала серьёзное лицо и поджимала губы:

— Что ж, ладно, я сама управлюсь — не впервой.

Как-то раз, когда мама рассказывала своим подругам о даче, она произнесла непонятное слово «барщина».

— Мам, а что такое «барщина»?

— Это вы по истории проходить будете.

Но семейный долг — он и есть долг, и вот мы втроём, с мамой и сестрой, едем на дачу с корзинами, корзинками и вёдрами — собирать клубнику.

Был будний день, и бабушки с дедушкой на даче не оказалось.

И только мы зашли в хату, за окном полил дождь, который никак не хотел прекращаться.

— Мам, давай печку разожжём, чаю попьём!

— Ой, я не умею!

— Зато я умею!

— Нет-нет, нельзя, это опасно. Можно угореть. Мы так посидим.

— Ой, ну скучно же! Делать же нечего! — заныл я.

Сестра взяла с собой куклу и игрушечную лошадь и уже играла в них, а я уже был слишком взрослым для игрушек.

— Надо было взять что-нибудь почитать с собой. Почему не взял? Ну, поищи, может, здесь какие-нибудь книжки есть.

Я начал искать. Нашёл только три книжки: «Ольга Форш. Повести и рассказы», «Слаборослый интенсивный сад» и «Болезни плодов при хранении». Первые две мне показались скучноватыми, а третью, самую тонкую, я довольно быстро прочёл. И снова стало скучно. Дождь не прекращался.

Тогда я снова стал искать книжки. И набрёл на большой деревянный сундук. Я открыл его, а в нём было много разной старой одежды.

— Ой, мама, смотри! Это же моя старая футболка! Помнишь её?

— Ух ты! А это что? Узнаёшь? Это твоя распашонка!

В сундуке также было много другой одежды: кроме старых детских футболок и распашонок, там были какие-то платки, панамки, платья, колготки, юбки, занавески, белые полотенца и скатерти с вышивкой, а также много разных лоскутов и кусков непонятно чего.

— Мам, а это что?

— Подштаники.

— А это?

— Это? Просто отрез.

Когда сундук оказался пустым, мы с сестрой начали надевать на себя всё подряд, заворачиваться в платки, отрезы и куски тюля и грациозной походкой выходить на середину хаты, распевая: «Мода восемьдесят семь! Мода восемьдесят семь!» — Я старая-старая бабушка! — кричал я, закутавшись в несколько платков и повязавшись куском валявшейся рядом бечёвки.

— Я тоже старая-старая бабушка! — радостно смеялась сестра, замотанная в занавеску, и, сгорбившись, вышла на подиум, опираясь на воображаемую клюку.

— А я Алла Пугачёва! — верещал я, нахлобучив, помимо всего прочего, какую-то немыслимую панаму.

— А я София Ротаровна! — кричала сестра.

— А я старый-престарый дед! — на этот раз мне попала дедушкина побитая молю фетровая шляпа.

Мама смотрела на нас и смеялась.

Дождь стих уже ближе к вечеру. Увидев это, мама торопливо собралась, схватила сестру за руку,

и мы, едва успев на ходу сорвать и запихнуть в рот несколько крупных красных ягод, быстро двинулись с пустыми корзинами по широкой грязевой дороге, чтобы не опоздать на последний автобус.

3.

— Прежде всего надо урожай сейчас собрать. Вот тебе ведро, собирай яблоки, которые под яблонями осыпались.

Яблоки, лежавшие под яблонями, были подгнившими, побитыми или червивыми. Все красивые яблоки висели наверху. Но делать нечего — бабушку надо слушаться.

— Собрал? Вот умница! А теперь можешь взять плодосъёмник и вон те с веток посрывать. Только смотри, рви только спелые.

Я начал орудовать плодосъёмником.

— Чего ж ты зелёные-то срываешь? — подключился дед. — На этой яблоне ещё повисят!

— Мне так бабушка сказала.

— Ма-а-аш! Ты зачем Кириллу велела антоновку собирать? Мы же её в сентябре снимаем!

— Да какой в сентябре? Она уже сейчас спелая!

— Да какая же она спелая? Она ещё вся зелёная! Пусть лучше на мелбу идёт!

— Мелбу я сама потом соберу! А ты, Кирюша, зачем зелёную рвёшь? Ты смотри, какая уже пожелтела!

Пока бабушка с дедушкой выясняют, какие яблоки уже пора срывать, я нахожу подходящую палку для борьбы с врагами. Я начинаю махать ею и прокалывать воздух. Враги корчатся, падают на грядки и извиваются в агонии.

— Кирюш, а ты чего это разыгрался? Сначала яблоки собрать надо! Делу время — потехе час!

— А какие собирать-то?

— Мелбу сначала! — вступает дедушка.

Бабушка задумывается.

— На-ка лучше вот грабли возьми, листья под яблонями постребай. Вот так!

Бабушка показала, как надо сгребать листья, и передала мне грабли.

— Только осторожно, на землю их не бросай, но самое главное — на острое не наступай. И запомни: никогда нельзя наступать на грабли!

День был солнечным и знойным, а под яблонями была тень, и поэтому орудовать граблями было даже приятно. Несколько яблонь росло недалеко от улицы, и мне было приятно, что редкие прохожие замечали меня, занятого таким взрослым делом.

— Ах, Кирюша, ах, молодец! Всё собрал — да как чисто! Давай отдохни теперь!

Я двинулся было за палкой, чтобы продолжить сражение, но бабушка решила, что мне пора искупаться.

— Я тут тебе водички на солнце нагрела. Вон там — видишь корыто? Можешь прямо тут, на солнышке, искупаться.

Я разделся, огляделся по сторонам, убедился, что с улицы меня не видно.

Сел в корыто, наполненное приятно-прохладной водой, и начал смотреть на себя в воде. Чуть выше причинного места я обнаружил три маленьких чёрных волоска, которых раньше не было. «Наверное, скоро будет как у папы», — рассудил я.

А само это место отвердело и уверенно поднималось над поверхностью воды. «Отчего это?» — подумал я. Раньше тоже так иногда бывало, но только если в туалет сильно хочется. А сейчас в туалет совсем не хотелось. Я попытался опустить его рукой, но он ещё больше отвердел, а по ногам пошли мурашки. Я снова с тревогой огляделся вокруг, не наблюдают ли за мной бабушка с дедушкой.

«Господи, а вдруг это теперь на всю жизнь?!» — с тревогой пронеслось у меня в голове.

Старая дача

Открывая
дверцу сарая,
перебираю
тыпки, лопаты и вилы.
Вон там в углу — палка.

Помню, в детстве играл ей, как саблей,
но строгая бабушка её убрала и выдала грабли.
И говорит: «Поди листья под яблонями поскребай,
но — осторожно! — на острое не наступай!»
Расставаться с палкой
мне было жалко,
а теперь жаль мне папку
и бабкину молодость жалко.

А вон и старое жестяное корыто!
Оно, как в «Федорином горе» почти, всё побито.
Ты помнишь, старушка моя, как сажала меня в него
и умещала всего?

Надежда

В тёплую погоду они могли сидеть на лавочках у подъезда целыми днями, пока их мужья — если ещё были живы — стучали доминошными костяшками по столу в дворовой тени. Провожали оценивающими взглядами всех входящих и выходящих — ну, это как водится.

Пару раз в день они вставали, образовывали подобие цепи и шли прогуливаться: медленно покачиваясь на искорёженных артритом ногах, передвигаться к концу асфальтированной дорожке вдоль дома, потом медленно разворачиваться и следовать по тому же маршруту в обратном направлении. В зимние сумерки, закутанные в тёмные пальто и серые пуховые косынки, они напоминали пингвинов.

Иногда они ходили друг к другу в гости: посидеть около соседнего подъезда, посмотреть на других соседей — в общем, внести свежую струю в каждодневный поток впечатлений.

— Вот ты мне Раю хвалила, а я зашла к ней, а у ней прямо в прихожей пыль по углам лежит.

— Смотри, малая Смирнова никак с новым мужем идёт?

— Да нет, это не новый, они уже второй год ходят.

— А мне кажется, что тот похудее был...

— Ну так поправился! Небось, зарабатывать больше стал — мастером-то! Или подворовывать...

Иногда кто-то из них, приближаясь к дому со стороны трамвайной остановки, громко выкрикивал:

— В «Юности» «Персоль» выбросили!

Тогда все поднимались со своих мест и шли домой за сумками и кошельками: надо ехать в «Юность», хороший отбеливатель второй раз не предложат.

Состав лиц годами не менялся. Но по прошествии десятилетий вдруг обнаруживалось, что кого-то из завсегдатаев этих посиделок давно не видно. Потом ещё кого-то. Постепенно замечаешь, что они начинают собираться на одной лавочке со всего дома. Потом к ним примыкают старухи из соседней пятиэтажки. А через некоторое время среди бабок замечаешь лица молодых женщин... Ну как молодых — тех, что лет двадцать-тридцать назад проходили сквозь осуждающие взгляды под ручку со стройными и задорными хахалами, постепенно занявшими места за унылым доминошным столом или просто места на кладбище.

Среди бабок из наших пятиэтажек при силикатном заводе не было мохеровых беретов, не говоря уже о полуистлевших нэповских горжетках: в большинстве своём они вышли на пенсию из цехов или колхозов.

В своё общество они принимали не всех. Зою из семидесятой, например, презирали, потому что у неё якобы было два инфаркта и два инсульта, после которых она не выходила из дому, но преспокойненько обозревала окрестности со своего балкона. «Симулирует», — считало общество: уж больно бодро она выглядела, когда стояла вот так вот на балконе и поплёвывала лузгой.

А ещё Зоя заставляла свою восьмидесятипятилетнюю мать целыми днями собирать бутылки. Та ходила с клюкой по окрестным дворам, что-то бормотала по-карельски своим беззубым ртом и в общество тоже была не вхожа.

А Лидия Петровна как-то проболталась, что во время оккупации работала в продуктовом магазине. Слух пошёл, прошёл несколько кругов и, как следует исказившись, вывел Лидию Петровну в роли бухгалтерши при гестапо. С тех пор, как только несчастная старушка присаживалась на лавочку, чтобы обсудить последние известия, все остальные друг за другом вставали и уходили домой — у кого холодец на плите стоял, у кого тесто на столе... Кому ж охота с фашисткой на одной лавочке сидеть?

Баба Катя не входила в общество, потому что сидела. Конечно, сидела не одна она — Ольгу Петровну, например, подруга подставила, а Марья Алексеевна, по слухам, мужнину вину на себя взяла. И сидели они давно и ничем от других особо не отличались. А баба Катя непрерывно курила самые дешёвые папиросы, а то и самокрутки из газет и самосада, так же непрерывно кашляла, громко харкала, сплёвывала и сморкалась, а когда в клумбе под её окнами начинали драться кошки, она хватала камень или палку и, громко и хрипло матерясь, запускала в них.

С Галиной Ашотовной было всё ясно: чёрные глаза, чёрные (хоть и крашенные) волосы, золотые кольца, серьги и зубы — наверняка еврейка (если, прости Господи, не цыганка).

А вот за что они недолюбливали Надьку из семьдесят четвёртой, понять было трудно.

Надька родилась в маленькой деревеньке, которая в войну сгорела. В конце войны, ещё совсем молоденькой, приехала в Калинин и устроилась на текстильную фабрику. Через десять лет она стала глохнуть от грохота ткацких станков и перебралась на недавно построенный силикатный завод, на котором и проработала до пенсии.

Но на пенсию ей было скучно. В конце апреля она начинала ходить в лес за сморчками и так ходила по грибы да по ягоды до поздней осени. Походы за грибами Надька перемежала рыбалкой. В погожие дни она рано утром вылезала из подъезда в болотных сапогах, брезентовой робе и плотной косынке и, держа в руках корзину или удочку, громко восклицала:

— Ну чего вы тут расселись-то, ё-моё, как лахудры?! Сходили бы хоть за грибами — гляньте, какая погода хорошая!

Она спускалась по своего пятого этажа, громко топая и криком переговариваясь со своим тогда ещё живым мужем, сопровождаемая звонко лающим Шариком. Иногда попутно звонила в двери, приглашая составить компанию в очередном походе на природу. Звонила по несколько раз подряд, потому что не слышала звонка.

— Ну чё, Кирилл, не пойдёшь? А чего так? Всё равно же дома сидишь!

Со временем мужа не стало, Шарика сменила маленькая коротконогая Каштанка, которую Надежда Ивановна водила на поводке. Да и походы в лес стали менее заметны окружающим.

Но время всё равно продолжает идти вперёд. И я уже едва узнаю в редких бабках на лавочке прежних профурсеток.

А Надежду Ивановну я уже много лет не вижу. Она жива вообще? Вроде бы на венки не собирали, но мало ли...

— К ней внучка заходит, продукты приносит. Сама-то она уже давно не выходит, только на балконе гуляет. На пятый этаж ей уже не взобраться.

А время всё продолжает идти. И для Надежды Ивановны в том числе.

Пожалуй, всё? Что тут ещё напишешь? Вроде бы и так всё ясно.

Но осталось ещё одно воспоминание.

Двадцать с лишним лет назад утонул мой отец. Ему было сорок лет, он был силён, энергичен, здоров и моложав, и нам всем почему-то казалось, что он обязательно доживёт как минимум до девяноста.

Мать не хотела вставать с постели. В последующие сутки (а может, и больше) она часами лежала и рыдала. Когда она начинала взвизгивать и задыхаться, я плескал ей в лицо холодной водой. А сказать ей мне было нечего, кроме нелепого и фальшивого «не надо, не плачь».

И тут вдруг раздался многократно повторяющийся звонок в дверь. Надежда Ивановна вошла и села на мамину кровать. И громко заговорила: — У меня вот в семьдесят восьмом сын погиб на заводе. Я тоже тогда жить не хотела. Стою я над гробом и думаю: «Ну почему он там, а я здесь? Зачем я здесь?» Ну а что поделаешь? Ларочка, надо вставать. Надо жить дальше.

Мать на мгновение затихла и хрипло произнесла:

— Зачем?

— А Бог его знает! Просто надо, и всё! Там дальше видно будет, зачем...

Пенсия

— Лидия Ивановна, вам же уже семьдесят. Мы все признаём ваши заслуги, мы всегда ценили вас как высококлассного специалиста... И студенты вас любят... Но, как говорится, пора уступить дорогу молодым.

Услышав эти слова, Лидия Ивановна сначала молчала несколько минут, одновременно понимая и не понимая, что ей говорят. Слова будто застревают в толще воздуха, вязкой, как кисель. Она несколько раз прокрутила в голове услышанное, и только после этого до неё дошло, что её решили вышвырнуть с работы.

— Но, позвольте, сейчас ведь середина учебного года... Куда же я пойду?

— Как куда? На пенсию! — брякнула Смирнова, бывшая троичница, затем бывшая лаборантка, которую лет двадцать назад взяли на полставки замещать второй язык у заочников, и с тех пор она стала подниматься по карьерной лестнице, защитилась даже.

А, ну да, конечно, на пенсию. Куда же ещё?

«Но куда же мне теперь?» — подумала Лидия Ивановна.

— Лидия Ивановна, мы все ценим вас как специалиста. Многие вас помнят ещё со студенческой скамьи... — продолжала Зарецкая. — Но, согласитесь, возраст...

«Но ведь и ты не майская роза!» — подумала Лидия Ивановна.

— И потом — вы же знаете новые требования по поводу оспепенённости педсостава... — Зарецкая словно прочла на лице Лидии Ивановны её мысли.

Ну конечно, старший преподаватель — никто. Никому не интересно, как и чему ты учишь студентов в аудитории. Никто не спрашивает, насколько ты владеешь английским. Главное — корочка.

— На ваше место мы планируем взять молодого, но весьма перспективного специалиста Митину Анну Юрьевну. Все мы помним Анну Юрьевну ещё студенткой. В мае Анна Юрьевна с успехом защитила диссертацию в Московском лингвистическом университете имени Мориса Тореза, а в октябре получила подтверждение о присуждении ей учёной степени кандидата филологических наук.

Лидия Ивановна сначала вообще не заметила Аню Митину, когда входила в аудиторию. Но вот девушка привстала, едва заметно кивнула, и ей все стали хлопать.

Да, действительно, Аня язык знает неплохо. И произношение у неё хорошее — она год жила в Америке перед поступлением. А Лидия Ивановна так ни разу и не пересекла границ Советского Союза. Так и не видела ни Тауэрского моста, ни Биг-Бена, ни Трафальгарской площади.

— Конечно, дорогая Лидия Ивановна, нам нелегко было принимать это решение, зная о вашем отношении к работе, о том, как вы болеете за результат... Но обстоятельства бывают сильнее нас...

«Но, может, хоть на подставки? Хотя бы заочников?»

— ...К тому же, — продолжила читать мысли Зарецкая, — было распоряжение ректора по возможности не дробить ставки... И второй неприятный момент: со следующего года сокращается набор на заочное отделение, а в перспективе его, скорее всего, закроют. Собственно, оно и понятно: как можно заочно учить иностранный язык?

— У меня полгруппы деревенские училки! У некоторых по двадцать лет стажа! Где им высшее образование получать? Безобразия! — облегчённо, не глядя в сторону Лидии Ивановны, вскричала Роза Павловна, и все с удовольствием переключились на новую, гораздо менее болезненную тему.

Бредя домой по серым сумеркам, перебирая ногами по смешанному с песком снегу на тротуарах, Лидия Ивановна никак не могла как следует осмыслить произошедшее. Сказанные слова снова и снова без изменений вертелись в голове и мешали ей думать. Мешал ей и сдавливающий горло комок. Одновременно очень хотелось домой — чтобы наконец как следует поплакать — и не хотелось входить в пустую квартиру, где никто, кроме телевизора, не сможет её утешить.

По телевизору сразу же показали парализованную старуху, капризно звонящую в колокольчик, и подбегающую к ней недовольную Чурикову. Сейчас начнёт на неё орать — Лидия Ивановна уже видела этот фильм.

Выключив телевизор, она заварила себе кофе и села, наконец, плакать. Но уже через пять минут ей показалось, что всё не так уж и страшно: ведь можно же, в конце концов, поговорить с Аней (Аня училась в её группе первые два года) — может, она и сама не захочет за эти гроши целую ставку тянуть. И потом — есть же ещё две недели до конца месяца. Их она должна как следует отработать. Сегодня же вечером надо проверить тетради, перечитать домашнее чтение, составить квиз... А там видно будет.

В течение следующих двух недель настроение Лидии Ивановны то и дело менялось. То ей казался тот разговор на заседании кафедры всего лишь страшным сном, не способным повлиять на её жизнь, то охватывала паника при мысли о приближении пятницы, двадцать восьмого февраля, когда она должна будет попрощаться со своими ребятами и представить им нового преподавателя. Она постоянно прокручивала в голове свою прощальную речь, меняя слова, паузы, акценты. Продумала, что наденет в то утро: синий костюм, который купила себе пятнадцать лет назад, с первой пенсии, бирюзовые бусы, которые подарила ей бабушка в день вручения диплома, и, возможно, расшитую красным и золотым бисером брошку в форме сердца, подаренную ей двадцать три года назад её студентами на Восьмое марта. Хотя красная брошь на синем костюме не очень... Но красное платье уже нельзя надевать — оно уже совсем износилось. И брошку на нём видно не будет.

В ближайший воскресный день Лидию Ивановну охватила тоска. С ней часто такое случалось, когда она была полностью готова к занятиям, но в это воскресенье тоска усилилась тревогой от приближения неизбежной беды. Притворившись, что ей надо сходить в магазин, Лидия Ивановна поспешно оделась и вышла из квартиры. На лестнице ей встретилась соседка по площадке, грузно поднимающаяся по лестнице с хозяйственными сумками.

— Марь Паллна, а что вы делаете всё время? — В смысле? — не поняла вопроса Лидии Ивановны её соседка.

— Ну, вот вы же уже давно на пенсии. А что вы делаете на пенсии?

— Ну как? — задумалась Марья Павловна. — Живу. В магазин хожу, готовлю, убираюсь в квартире, телевизор смотрю. И потом — к сыну езжу, к внучке, с правнуками сiju иногда.

Понятно. У Лидии Ивановны дочь уже сама закрашивает седину. А внучка школу заканчивает. Они живут в Москве. Когда внучка была

маленькой, она любила общаться с бабушкой, они часто вместе играли, гуляли, заходили в кафешки мороженого есть. Теперь у Лизы своя жизнь, много друзей. Она рада видеть бабушку, но говорить им теперь особенно не о чем.

Но вот и настал тот самый день. Сегодня две пары. День очень красивый: накануне выпал свежий снежок, а сегодня светит яркое солнце. На перемене ребята говорят о предстоящей вечеринке—у Светы Егоровой завтра день рождения. Когда-то Лидию Ивановну студенты тоже приглашали на свои вечеринки, но это было давно.

За пять минут до конца пары Лидия Ивановна задала домашнее задание и молча оглядела своих последних студентов. Какие они молодые и красивые! Даже дурочка Жилиева вызвала в ней в эту минуту волну тепла и материнской любви.

«Жаль, что Олега сегодня нет». Олег был самым умным и способным в её нынешней группе, и когда Лидия Ивановна готовила свои прощальные слова, она представляла перед собой именно его.

— Дорогие ребята,— произнесла она торжественно.— Это наше последнее с вами занятие. Мне очень нравится вас учить, иногда даже спорить, но время есть время...

— Вы что, на пенсию уходите?— перебила её Маша Ткаченко.

— Да,— Лидия Ивановна от неожиданности сбилась и забыла, что хотела говорить дальше.

— А кто у нас вести будет?

Лидии Ивановне показалось, что совсем никто не огорчился её уходу. Она очень разочаровалась, расстроилась и даже обиделась, но виду не подала. Вдохнув поглубже, Лидия Ивановна продолжила заготовленную речь, но голос дребезжал, звучал как-то тихо и глухо, язык заплетался, а в самом конце вместо «Будьте счастливы!» она почему-то ляпнула:

— Будьте здоровы!

«Да что им до какой-то старухи? Они молоды, им хочется радости, веселья... Завтра весна. Они все в мыслях о завтрашней вечеринке»,— успокаивала себя по дороге домой Лидия Ивановна.

Она шла привычной дорогой, машинально, отгоняя от себя мысль о том, что с понедельника ей по этой дороге ходить уже не надо будет. В какой-то момент она увидела перед собой совсем старую старуху— в валенках и калошах, чёрном драповом пальто с чёрным каракулевым воротником и серой пуховой косынке, с матерчатой сумкой в одной руке и палкой в другой. Старуха месила валенками перемешанный с песком снег и, опираясь на палку с резиновым наконечником, перемещалась в пространстве сантиметровыми шагами. Поравнявшись с ней, Лидия Ивановна невольно повернулась, чтобы разглядеть её лицо. Старуха остановилась и повернула голову в сторону Лидии Ивановны.

«О Боже! Васильковская!— поразилась Лидия Ивановна.— Она ещё жива? Но ей же за девяносто!»— Здравствуйте, Ида Львовна! Вы меня помните?— А! Лидочка! Ну конечно, помню! Как дела у вас? Всё так и работаете у нас на кафедре?

— Сегодня вот последний день отработала,— ответила Лидия Ивановна, и ей снова стало больно и захотелось плакать.

Васильковская вела теорграмматику ещё у Лидии Ивановны. Лет чуть ли не тридцать назад она уснула на семинаре. Студенты стали смеяться и постепенно разошлись— потихоньку, чтобы не будить старушку. Но слух об этом стал ходить по факультету, и Иду Львовну «ушли» на пенсию. Несколько раз после этого она ещё приходила в университет— на юбилей профессора Ройзмана, потом на его похороны, на юбилей факультета... А потом все о ней забыли. А она, оказывается, ещё жива.— Ну что ж, Лидочка, такова жизнь, ничего тут не поделаешь. На пенсии тоже жить можно. Учеников себе возьмите. Я вот хоть книжки стала на пенсии читать— а то всё руки не доходили.

Заходящее солнце уже почти по-весеннему освещало дома, деревья, снежно-песочное месиво, поблёскивало в толстых очках старухи.

— Лидочка, а вы в гости ко мне заходите! Я вон в том розоватом доме живу, на втором этаже, шестая квартира, три звонка.

— Приду. Обязательно приду.